

Я ненавижу Рождество.

Это не имеет ничего общего с глупыми и неискренними пожеланиями добра и дарением подарков.

Это не имеет ничего общего с сезоном мира и радости - мы все могли бы использовать больше этого круглый год.

Это не имеет никакого отношения к чрезмерной коммерциализации, двадцать четыре часа в сутки.

Это имеет отношение ко всему тому дерьму, которое произошло в этот день.

Моя мать, моя бабушка и мой младший брат умерли в этот день. Не в один год. С разницей в несколько лет, на самом деле, но в одно и то же проклятое 25 декабря.

В тот день мой отец ушел от меня, моего брата, двух сестер и моей матери. Просто ушел и больше не вернулся. Мне было девять лет.

Прошло семь лет, прежде чем мама смогла получить страховку жизни. Семь лет ада. Семь лет переездов во все более дешевые квартиры после того, как мы потеряли дом. Мама надрывала задницу, чтобы сохранить нас в безопасности и здравом уме, и это принесло свои плоды.

В итоге мы переехали к родителям отца, на их ферму. Они приняли нас с распростертыми объятиями и старались любить нас изо всех сил. Они извинялись за поступки своего сына и в какой-то мере пытались загладить свою вину. Они позаботились о том, чтобы мы, дети, закончили среднюю школу и даже отправили двоих из нас, мою старшую сестру Шэрон и меня, в колледж. Мой младший брат Дэвид пошел в армию, а младшая сестра Мириам вступила в какую-то левобережную группу по защите прав ЛГБТ и получила образование параюриста. Затем она устроилась в фирму по связям с общественностью.

Дэвид ушел первым, но не в зону боевых действий, а погиб от рук пьяного водителя во время службы в Германии. Его сбили в канун Рождества, и он умер в Рождество. Моя бабушка умерла четыре года спустя, во сне. Дедушка был крепким старым фрицем и вел хозяйство вместе с моей мамой. Когда он умер через несколько лет, мама узнала, что ферма находится в семейном трасте, который он создал, а мы с ней и моими сестрами были попечителями. Мама пыталась поддерживать хозяйство, но в конце концов ей пришлось свернуть работу и сдать землю в аренду другим фермерам.

Пару лет назад мама умерла после тяжелого инсульта. После этого Шэрон продолжала вести хозяйство, как и раньше, сохраняя усадьбу и сдавая землю в аренду. Мириам была в Сан-Франциско, а я в Денвере, работал в IT. О, да. Меня зовут Джошуа, или обычно просто Джош.

В общем, к сути этой истории. Я сидел в своей квартире, сильно подавленный предстоящим Рождеством, и решал, что делать с праздниками, кроме как взять двухнедельный отпуск и залезть в бутылку до 2 января. Я принял радикальное решение поехать на праздники "домой". Навестить Шэрон, недалеко от Девилс Лейк, Северная Дакота. Довольно дешевый трехчасовой перелет, включая 30-минутную остановку в Джеймстауне и смену часовых поясов, а затем аренда четырехколесного транспорта, чтобы добраться до фермы. Наверное, зря я решил сделать ей сюрприз.

Вечер пятницы / утро субботы

Я должен был знать лучше. Я забронировал билет на 8 вечера в пятницу, а прилетел в полночь. И, конечно, пункт проката закрылся в 5 вечера и открылся только в субботу в 8 утра. Маленький городок, подумаешь. Так что у меня был выбор: попытаться найти комнату, провести 8 часов в ночной закусочной или позвонить сестре. Звонок сестре победил.

"О, Боже, Джош!" - воскликнула она, когда я назвал себя. На ее стационарном телефоне не было определителя номера. "Где ты? Что ты здесь делаешь? У меня от тебя чуть инфаркт не случился! Телефон не звонит посреди ночи, если только кто-то не умер!"

Я объяснил, как я облажался с самолетом и машиной, и спросил, насколько ужасно будет, если она приедет за мной. Я мог бы забрать арендованную машину завтра.

"Ну, пока что дороги свободны", - сказала она мне. "Мне нужно одеться, и мне понадобится немного времени, чтобы прогреть грузовик, и час или около того, чтобы добраться туда, так что дайте мне полтора часа?".

Я сказал ей, что все в порядке и что я буду в единственном открытом месте - закусочной рядом с аэропортом. Мы повесили трубку, и я пошел и заказал кофе с ужином на гарнир. Официантка была симпатичным парнем, вероятно, старшеклассником, но с росточком примерно на шесть месяцев. Там были я, еще один парень, водитель грузовика, и она. И повар, которого я никогда не видел. Парень заговорил со мной о моем визите. Я поддерживал легкую, приятную и ненужную беседу, пока не прошло время и в дверь не вошла Шэрон.

"Она ваша?" - спросила официантка, кивнув в сторону входа.

Я повернулся, чтобы посмотреть, и остановился. Я знаю, что не видел ее с похорон мамы, но, Боже, как она изменилась! Она была, ну... круглее. Это не выглядело на ней плохо. Просто она не была прежней худой и злой фермершей. А вот что выглядело не очень, так это морщины. Похоже, жизнь взяла свое.

"Привет, Шэрон!" Я помахал рукой, и она улыбнулась. Эта часть не изменилась. Мне всегда нравилась ее улыбка. Она подошла к нам, и я встал, чтобы помочь ей выйти из пальто.

"Все, что она хочет, и запишите это на мой счет", - сказал я официантке.

"Только кофе, спасибо", - сказала Шэрон официантке, садясь в кабинку напротив меня, и девушка пошла за кофе.

"Боже, Джош, ты хорошо выглядишь!" сказала мне Шэрон. "Видимо, Большой город хорошо к тебе относится".

"И да, и нет", - сказал я ей. "Работа в порядке, некоторые из них однообразны, некоторые нет. Зарплата нормальная. Денвер может стать городом вечеринок для тех, кто этого хочет. Я же предпочитаю читать, писать и сидеть в Интернете. Это убережет меня от неприятностей".

"Подружки пока нет?" - спросила она, добавив к улыбке приподнятую бровь.

"Нет. Слишком много сложностей", - улыбнулся я в ответ. "И парня пока нет?"

"Здесь?" - засмеялась она. "Нет, слишком мало возможностей. Ладно, так почему ты вдруг появилась на моем пороге? Лучше бы это были не деньги, потому что у меня их нет".

"Нет, не деньги", - подтвердила я. "Я решила побороть свою ежегодную рождественскую депрессию, проведя ее с любимым человеком".

После этого заявления наступило ошеломленное молчание.

Я не собирался ее нарушать. Я хотел, чтобы у нее было все пространство в мире, чтобы сказать мне идти к черту, или сказать мне развернуться и вернуться в Денвер, или что бы она еще ни решила сделать. Я практически не обращал на нее внимания после того, как уехал в Денвер. В основном, я видел ее только на похоронах. Мы были очень близки в детстве, поэтому я предполагал, что она будет очень смущена и обижена моим пренебрежением, особенно после смерти мамы.

Не говоря ни слова, она выскользнула из кабинки и встала рядом с ней. Затем она просто спросила: "Вы не можете мне с пальто?". В ее голосе было ноль эмоций. Она сидела на чем-то, и, на мой взгляд, это не предвещало ничего хорошего.

Ее пальто лежало рядом со мной, поэтому я тоже выскользнул и встал, чтобы поддержать его для нее. Тогда она напала.

Ну, может быть, "напала" - это не то слово. Она бросилась на меня. Набросилась, обхватила меня руками за шею и поцеловала, сильно и глубоко, в губы.

Я застыл в изумлении. Когда я смог отреагировать, я понял, что мои руки были заняты ее пальто. Поэтому я сбросил пальто, взял ее на руки и ответил на поцелуй. Это была совсем не та реакция, которую я ожидал, но я, черт возьми, не собирался сопротивляться. Мы целовались гораздо дольше, чем положено брату и сестре на публике, и когда мы разорвали поцелуй, я

увидел влажность в ее глазах.

"Ты потратил чертовски много времени, чтобы добраться до этого", - сказала она мне, когда мы продолжали обнимать друг друга.

Я ничего не ответил. Я не мог. По какой-то причине комок в горле мешал мне.

"Хорошо!" - сказала она мне, немного отступив назад, а затем заметила стоящую неподалеку официантку с кофе.

"Ой, извините", - сказала она девушке. "Дайте мне самую большую чашку, которая у вас есть. Я должна спасти задницу моего брата и доставить его сегодня домой в целости и сохранности".

Девушка усмехнулась. "Удачи тебе!" - сказала она Шэрон. "Это будет на кассе, вместе со счетом". Она повернулась, чтобы уйти, но на ходу оглянулась через плечо и поздоровалась: "Поздравляю!".

"И тебя!" отозвалась Шэрон, кивнув в сторону живота девушки. Официантка слегка покраснела, кивнула и пошла готовить Шэрон кофе.

"У тебя только этот вещмешок и этот рюкзак?" спросила Шэрон, поднимая с пола пальто и надевая его.

"Ага. Одежда в одном, офис в другом", - подтвердила я.

"Тогда плати и давай отправляться в путь", - сказала она мне. "Нам все равно придется вернуться завтра, если ты хочешь эту машину".

"Я могу отменить это", - решил я. "Ты здесь и можешь отвезти меня к дому. Возможно, ты сможешь подбросить меня в аэропорт, когда мне нужно будет уезжать. Мне она не очень нужна".

"Не хуже", - кивнула она, когда мы направились к кассе. "Надвигается снежная буря, которая на некоторое время сделает передвижение опасным. Лучше, если вы не будете ездить в такую погоду".

Я согласился, оплатил счет, и мы с Шэрон отправились в путь на ее F-350. Весь снег был на земле, дороги были расчищены, и мы без проблем добрались до фермы. В машине было жарко и тепло, хотя на улице стоял мороз. Воспоминания о ее поцелуе жгли мне разум, но мы не говорили об этом. Вместо этого большую часть пути я рассказывал о том, что произошло после колледжа и как протекает моя жизнь в большом, плохом городе, в то время как она сосредоточилась на вождении.

Когда мы добрались до дома, было уже почти три часа ночи. С тех пор как я уехал, в доме были сделаны некоторые улучшения, не последними из которых были пристроенный гараж и спутниковая антенна на его вершине. Шэрон завела нас прямо внутрь и дистанционно закрыла за нами дверь.

"И отопление тоже", - усмехнулась она, заглушая грузовик. "Я переоборудовала гараж-сарай для хранения других вещей. Давай, давай разберемся с тобой". Не дожидаясь, она вышла из грузовика и направилась к служебной двери в дом. Я взял свой вещмешок и рюкзак и последовал за ней.

Зайдя на кухню, я увидел, что многое изменилось.

"Макет почти такой же", - сказала она мне, снимая пальто. "Вешалка там", - добавила она, указывая на линию крючков возле двери. "Кухня была переделана, гостиная и столовая практически те же, подвал был обновлен и отделан, гостиная была переделана. Порошковая комната все еще там, рядом с кухней. Наверху я использую хозяйскую спальню, а та, что с солнечной верандой, - мой кабинет, та, что рядом с кабинетом, - кладовка, остальные три - спальни для гостей, хотя, возможно, вам придется переставить вещи".

"Я все еще использую дровяную печь, а в холодную часть зимы добавляю сжиженный газ. Я нахожусь в процессе добавления солнечного отопления и электричества от ветряной мельницы, но это еще не закончено. У меня есть спутниковое телевидение и интернет. И хотите верьте, хотите нет, но мне повезло. Внизу по дороге только что поставили вышку сотовой связи, так что у меня есть беспроводная связь 4G".

От ее экскурсии по никелю у меня перехватило дыхание.

"Так что располагайтесь, Джош", - снова улыбнулась она. "Мой дом - это твой дом. Тебе помочь распаковать вещи? Или, может, выпьем по бокалу на ночь? Черт, как я рада тебя видеть!"

"Вау, Шер... ты определенно перевела это место в 21 век", - изумился я. "И ты живешь здесь один? Кажется, это чертовски расточительно..." Замечу, что в детстве Шэрон сократили до Шэр, но Шер - это то, как это произносится, так что я буду писать именно так.

"Итак, где ты хочешь, чтобы я спала?"

"Я бы хотела, чтобы ты спал со мной, - застала она меня врасплох, - но тебе, наверное, будет удобнее всего в твоей старой комнате. Тебе помочь?"

Я был немного озадачен ее интонацией. Когда мы были детьми, мы часто жили в тесных квартирах, и нам приходилось спать вдвоем. Пару раз мы все оказывались с мамой на "общей кровати", и нам это удавалось. Мне всегда нравилось спать с Шэрон. Она была теплой и успокаивающей, и, будучи старшей сестрой, она давала определенное чувство безопасности. Я не была уверена, вспоминает ли она те времена, или что. Я решила пока что играть осторожно.

"Хорошо, я пойду распакую вещи в своей старой комнате", - сказала я ей. "Мне не нужно много чего убирать. Я полагаю, ванна наверху все еще работает. Как насчет того, чтобы ты приготовила нам пару ночных колпаков, а я спущусь через минуту?"

"Что у тебя за яд?" - снова улыбнулась она. Я начинал радоваться, что решил вторгнуться в ее личную жизнь на праздники. "У меня есть несколько сортов пива, красное и белое вино, виски, ром, водка и пара ликеров. Ваш базовый бар".

"Водку с тоником, с лаймом, если он у вас есть, или ром с чем-нибудь фруктовым", - сказал я ей. "И спасибо. Я сейчас вернусь".

Я затащил свои вещи по винтовой лестнице на второй этаж и спустился в "свою комнату" - ту, что в центре слева. Из комнаты открывался вид на двор, хотя сейчас было видно только снежное покрывало в свете луны. Это было похоже на шаг назад во времени. Краски не изменились, и некоторые из моих старых плакатов все еще были там. Здесь все еще стояла полноразмерная кровать, которую мама подарила мне, когда я училась в 7 классе, хотя матрас и постельное белье были новыми. Мой письменный стол выглядел точно так же, как я оставил его после окончания школы.

Шкаф и комод были пусты, поэтому я распаковала вещи в них. Я засунул свой набор Дорр в ванну и спустился вниз. Шэрон приготовила для меня довольно крепкий тоник с водкой и льдом.

"Пойдем в салон", - предложила она, и я последовал за ней. Он определенно был переделан, но не так, как я ожидал. Все было в темно-коричневых тонах и коже, очень мужественное, с пылающим огнем в кирпичном камине. Здесь было даже несколько старых кресел-мешков "Milk Dud" 70-х годов.

"Это мой Санктум Санкторум", - сказала она мне, придвигая одно из кресел-мешков к камину. "Здесь приглушенно и уютно для моего психического здоровья. Сюда я прихожу, когда моя депрессия берет верх". Она бросила на меня знающий взгляд и жестом указала на другой мешок с фасолью. Я подтащил его к огню.

Она устроилась на своем мешке, сделала большой глоток из своего бокала и поставила его на журнальный столик позади нас. Я последовал ее примеру. Я заметил, что, несмотря на то, что на улице было очень холодно, здесь было уютно и тепло. Очень тепло. И тогда она преподнесла следующий сюрприз.

Она сняла сапоги и вылезла из джинсов, после чего надела носки. Затем она сняла свитер, и у меня появились очень нечистые мысли. Моей сестре могло быть тридцать шесть лет, но, если не считать обветренного лица и рук, она выглядела потрясающе. Она была фигуристой, с очень большими сиськами, узкой талией и округлой попкой. Когда она вытащила шпильки из своих волос и распустила их до талии, она вдруг показалась мне богиней. Или, по крайней мере, моделью. Хорошо одетую модель нижнего белья.

"Тебе придется с этим смириться, Джош", - сказала она мне, повернувшись, чтобы посмотреть на меня в свете камина. "Чем меньше на мне одежды, тем лучше я себя чувствую. Если тебя это беспокоит, можешь идти спать, а утром я разбужу тебя к завтраку. Вот где и как я отдыхаю, особенно в преддверии Рождества".

"Ты удивил меня до смерти, когда позвонил, Джош, не говоря уже об аэропорте. Но я чертовски рад, что ты здесь. Одно твоё присутствие здесь, кажется, помогает держать демонов на расстоянии". Затем она повернулась и уставилась в огонь, потягивая свой напиток.

Ладно, я могу это понять. Когда я была дома, я тоже предпочитала ходить без одежды. Это как-то не так сковывало - чувство свободы, правда. Меня удивило то, как красиво она выглядела в свете камина и как сильно я напрягался. Я был пойман между желанием, чтобы она чувствовала себя в безопасности и комфорте рядом со мной, и желанием не опозорить себя своей похотливой реакцией на нее. Наконец я попробовал найти компромисс. Я снял с себя все, кроме трусов.

Она наблюдала за мной, думаю, с недоумением, пока я сидел в комфортном тепле перед камином, потягивая свой напиток и чувствуя, как ликер согревает меня изнутри. Я осушил свой бокал. "Еще?" спросил я, протягивая его. "Или еще лучше, где выпивка? Я могу сделать ее сам".

"У меня есть, Джош", - сказала она мне, вставая. Господи, она выглядела еще лучше! Она стояла рядом со мной и наклонилась, чтобы взять мой стакан, позволяя своим грудям колыхаться, едва сдерживаемым лифчиком. Прямо как гипнотизер, качающий часы.

"Знаешь, ты чертовски хорошо выглядишь, Джош", - мягко прокомментировала она. "Теперь ты намного взрослее". Затем она посмотрела на мою промежность. Там, где я натягивал трусы. Очень сильно.

"О!" - широко улыбнулась она. "Это для меня?" Прежде чем я успел ответить, она просто рассмеялась и вышла из комнаты, чтобы наполнить мой напиток, убедившись, что по дороге я очень хорошо рассмотрел ее задницу.

Она издевалась надо мной. Я знал это, но не знал почему. И, честно говоря, мне было все равно. Она выглядела хорошо, и я реагировал как любой здоровый 34-летний неповрежденный мужчина. Не говоря уже о том, что у меня уже более полугода не было никакого секса, кроме как с самим собой. Я отказался запугивать или смущать Природу. Когда она вернулась, мне пришлось постоянно напоминать себе об этом.

Она вернулась с двумя высокими стаканами, а не с низкими бокалами, с которыми ушла.

"Эй, так мне не придется постоянно бегать на кухню за добавкой", - улыбнулась она, протягивая мне свой, наклонившись и убедившись, что я не могу не заметить ее декольте.

"Логично", - сказал я ей, подняв свой бокал в шуточном тосте. Она сделала то же самое, и мы оба сделали по глотку. "Итак, что насчет твоей депрессии?" спросил я, когда она села.

Она потратила несколько минут на то, чтобы устроиться на мягкой подушке и выпить еще один бокал. Затем она поставила его и сняла лифчик.

"Каждый год на Рождество у меня начинается депрессия", - сказала она мне, глядя на огонь и не глядя на меня. Это был тот самый я, который пилился на ее сиськи. "Я уверена, что ты знаешь большинство причин. Есть еще несколько, о которых ты не знаешь, но все сводится к тому, что я чувствую себя очень, очень одинокой. Я чувствую себя очень оторванной от семьи, от людей в целом. Все важные люди в моей жизни ушли. Ферма помогает мне сосредоточиться, но она не может заменить людей".

Я кивнул. Я прекрасно понимал, о чем она говорит.

"Знаешь ли ты, - продолжила она через мгновение, - что в канун Рождества, когда мне было пятнадцать, я потеряла девственность?" Я этого не знала, и это меня удивило. "На полуночной службе. На чердаке хора. С Билли Сэндсом. Я провела большую часть Рождества, плача или желая этого. Через два месяца мы переехали сюда с бабушкой и дедушкой. Я больше никогда не видела Билли".

Я молчала. Я решил, что ей нужно выговориться. Кроме того, я все еще любовалась видом.

"Рождество было днем, когда я потеряла Трейсера", - продолжила она через некоторое время, все еще глядя на огонь, а не на меня. "Это было после того, как ты уехал в Денвер. Он был моим лучшим компаньоном, даже если это была собака. Мама пыталась меня утешить, но у меня было разбито сердце. Все это похоже на клише, но это правда. Чувство потери в сочетании с "счастливого Рождества" делает меня несчастным. Если бы у меня не было фермы, о которой нужно заботиться, я бы просто залез в бутылку на две недели, и пусть все пройдет".

"Это мое решение", - сказал я ей. "Или, по крайней мере, так и было", - добавил я в ответ на ее вопросительный взгляд. "До этого года. В этом году я решил попытаться уменьшить чувство потери, приехав к тебе. Если ты меня примешь, то есть. Не было никаких гарантий, учитывая то, как я обращался с тобой после отъезда в Денвер. Я счастлив, что ты все еще хочешь, чтобы я был рядом. Шокирован, но счастлив". Я сделал большую тягу к своему напитку, и, клянусь, она, должно быть, удвоила порцию водки.

<http://erolate.com/book/2448/61642>